
Установить истину: о реализме и релятивизме в юриспруденции (в продолжение дискуссии о реалистическом повороте)*

© 2020 г. Е.В. Тимошина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7–9.

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Поступила 21.10.2019

Статья написана в продолжение дискуссии о реалистическом повороте в современной философии науки; отмечается, что проблема сохранения способности человека к культурообразующим различиям – между реальностью и иллюзией, истиной и ложью в юриспруденции связана с различием между справедливостью и неправосудием. Предлагается критическая оценка релятивистских тенденций в юриспруденции, обнаруживающих себя в трактовке прав человека, толковании правовых текстов, принципов права и др.; при этом само право приобретает волюнтаристскую природу и понимается как «право сильного», что приводит к стиранию границ между правом и политикой, возведенных классической европейской философско-правовой традицией. Проблема истины в юриспруденции рассматривается на примере двух концепций истины, разработанных в уголовно-процессуальной доктрине, – объективной истины и юридической (формальной) истины, за каждой из которых стоит определенное представление о реальности и возможностях ее познания – реалистическое и релятивистское соответственно. Отсутствие в концепции юридической истины различий между истинной эмпирического предложения о фактах и его доказанностью приводит к тому, что истина отождествляется с убедительностью аргументации, а суд превращается в объект персуазивного воздействия сторон процесса. Показывается связь концепций истины с прагматикой аргументации участников судебного процесса; в качестве примера прагматики аргументации на основе концепции формальной истины приводится дело Дмитрия Карамазова. Отмечается, что релятивистские практики обращения с реальностью и истинной напоминают реалии оруэлловского романа «1984», а вопрос об истине и допущении объективной реальности имеет этический смысл и связан со свободой человека.

Ключевые слова: реалистический поворот, релятивизм, корреспондентная концепция истины, когерентная концепция истины, юридическая истина, справедливость, судебная аргументация.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–25–35

Цитирование: *Тимошина Е.В.* Установить истину: о реализме и релятивизме в юриспруденции (в продолжение дискуссии о реалистическом повороте) // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 25–35.

---

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18–011–01195 «Действительность и действительность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации».

Автор благодарит Наталию Павловну Кириллову и Арсения Александровича Краевского за критические замечания, которые помогли усовершенствовать первоначальную версию статьи.

To Establish the Truth: on Realism and Relativism in Legal Science (in Continuation of the Discussion of Realistic Turn)*

© 2020 Elena V. Timoshina

Saint Petersburg State University,
7/9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Received: 21.10.2019

The paper is written in continuation of the discussion on the realistic turn in modern philosophy of science. It is noted that the problem of preserving a person's ability to culture-forming differences – between reality and illusion, truth and falsehood in legal science is associated with the distinction between justice and injustice. It offers a critical evaluation of relativistic tendencies in legal science, under the influence of which the law acquires a voluntaristic nature and is understood as a “right of the strong”, that leads to blurring the boundaries between legal and political tradition. The problem of truth in legal science is considered through the example of two conceptions of truth developed in the criminal procedure doctrine – objective truth and legal (formal) truth, behind each of which there is a certain idea of reality and the possibilities of its cognition – realistic and relativistic, respectively. The absence of differences between the truth of the empirical proposal about the facts and its evidence in the concept of legal truth leads to the fact that the truth is identified with the force of argumentation, and the court turns into an object of persuasive influence of the participants of the process. The case of Dmitry Karamazov is given as an example of pragmatics of argumentation on the basis of the concept of formal truth. It is noted that the relativistic practices of dealing with reality and truth are reminiscent of the realities of Orwell's novel “1984”, and the question of truth and the assumption of objective reality is connected with human freedom.

Keywords: realistic turn, antirealism, correspondence theory of truth, coherence theory of truth, legal truth, justice, judicial argumentation.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–25–35

Citation: Timoshina, Elena V. (2020) “To Establish the Truth: on Realism and Relativism in Legal Science (in Continuation of the Discussion of Realistic Turn)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 25–35.

Необходимо разрушить волю к истине, не правда ли?

Мишель Фуко. Истина и правовые установления

Все признания, которые здесь произносятся, – правда. Правдой их делаем мы.

Джордж Оруэлл. 1984

После лингвистического, прагматического и антропологического поворотов, пережитых в XX в. философией и вслед за ней юриспруденцией, постановка вопроса о начале реалистического поворота [Лекторский и др. 2017], способного вернуть социальному

---

* The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18–011–01195 “Validity and efficacy of law: theoretical models and strategies of judicial argumentation”.

ученому независимый от осуществляемых им познавательных процедур объект познания, кажется подарком неожиданным и гуманным. Неожиданным – потому что сохраняющаяся мода на антиреализм в его различных проявлениях, превратив социальную реальность в текст, знание о ней – в интерпретацию, смысл – в социокультурную переменную, истину – в старомодную условность, науку – в то, что легитимируется *hic et nunc* в качестве «науки», кажется, навсегда закрыла доступ к тому, что когда-то было объективной реальностью, онтологически гарантированной истиной и объективным смыслом. Гуманным – потому что позволяет напомнить об утрачиваемой под влиянием релятивизма специфически человеческой способности к фундаментальным культуuroобразующим различиям – между реальностью и иллюзией, истиной и ложью, знанием и заблуждением, добром и злом, справедливостью и неправосудием. Эпистемологическая проблема реализма и антиреализма имеет, таким образом, этический смысл. В ситуации утраты культуuroобразующих оппозиций, признания их относительными, изменяемыми и условными, в дискуссии о реализме и антиреализме речь идет о сохранении свободы человека как свободы его выбора в условиях исчезающего предмета выбора, – когда даже слова, обозначающие антиномии, уступят место емкому и гибкому оруэлловскому «белочерному», своего рода аналогу «теплохладности», ведь чем «меньше *выбор* слов, тем меньше искушение задуматься» [Оруэлл 1989, 120].

В современных философско-правовых интерпретациях притязание *права* на объективность все чаще разоблачается как риторический прием, суть которого раскрыл Ницше: «все почтенное привлекается с тем, чтобы право *выглядело* как нечто вечное», в то время как право есть лишь «воля к тому, чтобы увековечить данное соотношение сил» [Хайдеггер 1993, 200]. За пределами этого волюнтаристского, грубо «реалистического» взгляда право способно существовать лишь как миф, языковая игра под названием «право» или просто симулякр.

Права человека из естественных и неотчуждаемых притязаний на индивидуальную свободу и достоинство превращаются в прагматические «соображения, которые могут быть вытеснены другими соображениями» [Alexy 2002, 57], а *конфликт прав* – в риторическую антиномию. При этом понимание того, что в правах человека есть собственно и специфически человеческого, какое естество человека они выражают, становится все менее ясным. Они редуцируются к разнообразным интересам и потребностям, которые затем конвертируются в *ценности* для удобства судебного «взвешивания» конкурирующих прав. В этом можно усмотреть проявление тенденции тотального превращения бытия, «сущего самого по себе», в волюнтаристски устанавливаемые ценности (не исключая из этого процесса и Бога, «униженного» до «высшей ценности» [Хайдеггер 1993, 210]), ведь ценности и их изменение, вновь вспомним Ницше, – «*пропорциональны росту власти у полагающего ценности*» [Там же, 186]. Поскольку ранг ценности определяется тем, кто назначает ей цену, постольку права человека включаются в политический дискурс, становятся политическими аргументами, элементом используемых центрами власти риторических стратегий, а границы между правом и политикой, с таким трудом возведенные классической европейской философско-правовой традицией, стираются.

Закрепляющая эти фундаментальные права *конституция*, как, впрочем, и любой правовой текст, рассматривается как не имеющая какого-либо объективного, независимого от ее интерпретатора смысла и даже как не существующая *per se* до акта интерпретации, – подобно тому как «акт толкования создает... произведение искусства» (так что «одну и ту же вещь можно истолковать либо как колесо от велосипеда, либо как произведение искусства»), «акт толкования создает и конституцию» [Тропер 2012, 100–101]. Норма права как значение (смысл) текста волюнтаристски, *ex nihilo*, устанавливается судьей в акте интерпретации, что в принципе снимает проблему ошибочного толкования закона (включая толкование *contra legem*) – вследствие отсутствия у *lex* какого-либо смысла до акта интерпретации. Разрушение связи между текстом и смыслом в современных доктринах толкования права коррелятивно лозунгу Р. Барта о смерти автора и смысла, что имеет своим следствием бесконечный процесс ничем

не стесненного смыслопорождения: если «присвоить тексту автора... значит как бы застопорить текст», то «не останавливать течение смысла, значит... отвергнуть... бога и все его ипостаси – рациональный порядок, науку, закон» [Барт 1994, 389–390]. Призыв Барта «не останавливать течение смысла» имеет отголоски в современных доктринах «эволютивного толкования», «живого конституционализма» и «подразумеваемых прав». При этом производимый актом судебного толкования смысл конституции рассматривается не более, чем ситуативная, временная победа, одержанная в плюралистическом обществе одной из политических сил в прикрытой риторическими стратегиями борьбе за определение «правильного», т. е. властно установленного, смысла основного закона. Обосновываемая доктриной свобода обращения судьи с объектом толкования (правовым текстом) имеет своим следствием утрату понимания деонтологической природы правовых норм и рассмотрение их как удобопревратных телеологических суждений.

С помощью тезиса о ценностном плюрализме и толерантности легко стираются границы между *правомерным поведением* и *преступлением*, чему способствует и концепт легитимности права, который оказывается очень удобным для того, чтобы оправдать превращение в норму факта нарушения нормы (при условии его распространенности). К легитимности оказывается редуцированной и *справедливость*, понимаемая как изменчивый результат «борьбы социальных групп за монополизацию дискурса справедливости» [Честнов 2013, 47], что соответствует ницшеанскому определению справедливости как «функции власти», поднимающейся над «мелочными перспективами добра и зла» и стремящейся сохранить «нечто большее, чем... личность» [Хайдеггер 1993, 199]. Наконец, основополагающие *правовые принципы*, в качестве категорических и безусловных норм выступающие несущими конструкциями правопорядка, трансформируются в «социальные конструи, образуемые... произволом, ограниченным минимумом функциональной значимости» [Честнов 2015, 22–23].

Складывается парадоксальная ситуация: как и в других областях социально-гуманитарного знания, антиреалистический поворот в юриспруденции последних десятилетий совершался под гуманистическим лозунгом возвращения к «забытому человеку социальных наук» [Шютц 2003, 100], однако философско-правовой релятивизм создал «неуютную» для человека модель правовой реальности, в которой право, подобно воску, тает под жарким дыханием разнообразных «интересов» [Петражицкий 1897, 381] и стоящих за ними источников власти. Практические следствия релятивистской эпистемологической позиции едва ли соответствуют ее декларируемой гуманистической цели и делают приписываемое «новой» правовой реальности свойство человекообразности пустым понятием. На расчищенном месте, освобожденном от присутствия Бога и человека, субъекта и объекта, автора и смысла в качестве последней достоверной реальности обнаруживается только «воля к власти» как чистая сущность власти. Но тогда «Бог – это власть», а «цель власти – власть» [Оруэлл 1989, 178]. Право, в котором перестают видеть нечто отличное от властного воздействия, архаизируется, превращаясь из римского *ars boni et aequi* в «способ продолжения войны» [Фуко 2005, 86], в первобытное «право сильного», обладатель которого – по праву сильного – монополизирует официальную номинацию справедливости или, по выражению Ницше, «утверждает задним числом “справедливость”, т. е. меряет вещи своей мерой» [Хайдеггер 1993, 200], а в обществе возникают риски трансформации в потестарное, нефеодалное состояние. В конечном счете все это провоцирует нигилистическую и анархическую позицию по отношению к правопорядку, лишённому тех благ совместной жизни, которые право призвано обеспечивать, – прежде всего определенности, предсказуемости и взаимного доверия, предполагаемых фундаментальным правовым принципом *bona fides*. Однако право в отсутствие притязания на определенность и не авторитарно установленную справедливость есть *contradictio in adjecto*, а его публичное, регламентируемое правовыми нормами, признание симулякр – перформативное противоречие. Право есть та самая «вещь, которая дает сдачу» [Latour 2000] настойчивым попыткам превратить его в иллюзию

или представить как маску благопристойности, закрывающую страшный лик кажущегося вездесущим Левиафана.

Как известно, то или иное понятие истины является наиболее точным маркером реалистической или релятивистской позиции. В юриспруденции есть область, где не только постоянно *ищут истину*, но и всегда, во всех случаях поиска, обязательно *устанавливают истину*, удостоверяя акт ее установления юридическим документом – обвинительным или оправдательным приговором суда. Это сфера уголовного судопроизводства, где вопрос об истине и возможностях ее достижения является типичным «вечным» вопросом доктрины и политики уголовно-процессуального права, под влиянием которых вырабатываются законодательные конструкции уголовного процесса и складывается судебная практика, в конечном счете, определяя права и обязанности конкретных людей. Не обсуждая здесь обоснованность гипотезы М. Фуко о том, что сформировавшиеся в инквизиционном процессе практики установления истины были восприняты в качестве образца в новоевропейском научном дискурсе [Фуко 2005], отметим корреляцию между релятивистскими тенденциями в репрезентациях проблемы истины в эпистемологии и в уголовно-процессуальной доктрине.

Истина, устанавливаемая вступившим в силу решением суда, обладает силой *res judicata*, что означает ее окончательность, невозможность пересмотра, даже если – «*res judicata facit ex albo nigrum, ex nigro album, ex recto curvum, ex curvo rectum*» – состоявшееся судебное решение делает из белого черное, из черного – белое, из прямого – кривое, из кривого – прямое [Bouvier 1854, 325–326]. Какие возможности есть у суда для того, чтобы его решение не производило подобного рода чудесных превращений – невиновного в совершении преступления в виновного и наоборот, т. е. превращения истины в ложь? Установление в судебном процессе истины по уголовному делу имеет, таким образом, этический аспект – оно является необходимым, хотя и недостаточным, условием вынесения справедливого приговора, а следовательно, оппозиции «истина – ложь» в уголовном процессе коррелирует оппозиция «справедливость – неправосудность», т. е. приговор, которым осуждается невиновный или оправдывается виновный, не может быть справедливым. «*Притязание на справедливость*» относится к существенным признакам правосудия – заявление судьи в приговоре о неправосудности выносимого им приговора рассматривалось бы как перформативное противоречие [Алекси 2011, 46].

Итак, что делает суд для того, чтобы вынести приговор – обвинительный или оправдательный – по рассматриваемому им уголовному делу? Упрощая, можно сказать, что он устанавливает факты и, соотнося их с нормой права, дает им юридическую квалификацию. Однако как судья может установить факты? К какой реальности он обращается, и как возможно знание о ней, если у суда нет непосредственного доступа к реальности события преступления?

Различные ответы на эти вопросы даются в рамках двух концепций истины, разработанных в уголовно-процессуальной доктрине – 1) *объективной* истины, согласно которой суд должен ответить на вопрос «*имело ли место преступное деяние и совершил ли подсудимый это деяние?*», и 2) *юридической* (формальной) истины, в соответствии с которой суд отвечает на вопрос «*доказано ли событие преступления и его совершение подсудимым?*» Здесь мы исключаем из рассмотрения связь концепций истины с процессуальными функциями суда, различным образом определяемыми в *розыскном* (следственном), *состязательном* и *смешанном* типах уголовного процесса, полагая, что достижение объективной истины может быть эпистемологическим идеалом доказывания в каждом из них [Kirillova, Lisanyuk 2019, 201–202], а обсуждение оптимальных законодательных конструкций уголовного процесса, способных обеспечить ее достижение, выходит за рамки предмета данной статьи. Отметим только, что начиная с судебной реформы 1864 г. в России действует смешанная форма уголовного процесса, характеризующаяся различным сочетанием следственных и состязательных начал в зависимости от особенностей исторического периода.

За каждой из двух доктринальных позиций можно увидеть определенное представление о реальности и возможностях нашего обращения с ней – реалистическое

и релятивистское. Реалистический подход в уголовно-процессуальной доктрине фундаментирован предположением о существовании реальности, независимой от субъектов уголовного процесса, – «факты суть то, что они суть, а не то, что о них говорят судьи» [Альчуррон, Булыгин 2016, 166]. «Факт преступления и совершение его определенным лицом, – пишет классик советской уголовно-процессуальной доктрины М.С. Строгович, – это объективные факты, существующие (или несуществующие) в действительности», иными словами, «само существование или несуществование исследуемого по уголовному делу... факта... не зависит от того, смогли ли участники процесса, субъекты процессуальной деятельности его доказать» [Строгович 1955, 228, 230]. В процессе судебного следствия по делу суд исходит из того, что может быть только одна истинная фактическая картина события преступления (или его отсутствия), достоверное знание о котором суд получает путем истребования, проверки и оценки доказательств, т. е. в результате конструктивной деятельности, определяемой процессуальными рамками. Не доказанные факты не могут быть положены в основание решения по делу, однако их юридическое несуществование не означает их несуществования в реальности прошлого. Предположение такой – объективной – реальности является *онтологической* опорой процессуального доказывания, а устанавливаемая судом объективная истина, выступая когнитивным идеалом доказывания, рассматривается как имеющая референциальный (корреспондентный) характер [Kirillova, Lisanyuk 2019, 196]. Таким образом, концепция объективной истины предполагает эпистемологически возможным установить соответствие между имевшими место в пространстве и времени фактами и достигнутым в процессе – с помощью процессуального доказывания – знанием о них, т. е. установить, а как было *на самом деле*. Она также предполагает принципиальное различие между истинной эмпирического предложения о фактах и его доказанностью в процессе. Иное, т. е. отождествление истины с тем, что суд считает истинным, означало бы непогрешимость судей [Альчуррон, Булыгин 2016, 165].

Вместе с тем, в понятии объективной истины выполнимы и требования инференциальной (когерентной) концепции истины. Если полученное в судебном процессе знание референтно событию преступления, оно необходимым образом будет удовлетворять и требованиям логической корректности в виде его полноты и непротиворечивости, выступающих в данном случае эпистемическими следствиями онтологически корректной реконструкции картины преступления. Однако обратное неверно – эпистемически истинное не всегда будет онтологически истинным, и конструируемая в процессе юридическая истина, в отсутствие предположения об объективной реальности события преступления и ее доступности для судебного познания, может быть примером «онтологической лжи, спрятавшейся под одеждой эпистемически истинного мнения» [Зайцев, Григорьев 2011, 130]. В понятии объективной истины фиксируется отсутствие расхождения онтологического значения и эпистемической оценки, что позволяет рассматривать данное понятие как композициональное и говорить не о двух истинах – референциальной (онтологической) и инференциальной (эпистемологической), а о двух компонентах единого целого – истинностного значения [Там же, 131].

Идея референции между событием преступления (или его отсутствием) и процессуальным знанием о нем подвергается критике сторонниками юридической истины. Концепция объективной истины, наряду с указанием на эпистемологические затруднения ее применения в процессуальном познании, дискредитируется прежде всего по идеологическим соображениям: она маркируется как «зло, порожденное... тоталитарной юридической традицией» [Александров и др. 2016, 573]. Как и в любом различии, притязавшем на онтологически гарантированную объективность, в оппозиции истины и лжи, а в данном случае – также справедливости и несправедливости, мерещатся вслед за Фуко власть и репрессия: «Лишь авторитарная власть делает истину в отношениях между ней и человеком абсолютной. Фундаментальная заинтересованность власти в результате судебного доказывания... вызывает – через навязываемый в доказывании дискурс – эффект объективности истины своего решения» [Там же, 574]. Приверженность идее поиска в судебном процессе объективной истины

дискредитируется как ведущая к дегуманизации правосудия, отказу от демократии и т. п., что подтверждает тезис о встроенности в социально-гуманитарное знание элементов социальной мифологии [Касавин и др. 2017, 10–11].

В концепции юридической (формальной) истины реальность события преступления рассматривается как данная суду только в конкурирующих интерпретациях сторон уголовного процесса – обвинения и защиты. Соответственно юридическая истина рассматривается как имеющая инференциальный, когерентный характер [Kirillova, Lisanyuk 2019, 196]. В концепте формальной истины предполагается, что конструируемое в судебном процессе знание является *вероятностным*, принимаемым «вне разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*), что означает маловероятность альтернативной интерпретации представленных доказательств, и в известном смысле *статистическим*, согласующимся с представлениями здравомыслящего человека о некотором обычновенном ходе вещей.

Когерентная концепция истины, являясь онтологически нейтральной, т. е. исключая возможность сравнения предложений с фактами, позволяет таким образом избежать столкновения с «объективной» реальностью и допускает, по замечанию М. Шлика, любое число согласованных систем предложений [Шлик 1993, 40]. В гипотетической ситуации столкновения в судебном процессе двух одинаково непротиворечивых и согласованных систем утверждений – интерпретаций события преступления, предъявленных сторонами защиты и обвинения, каковы основания выбора между ними? Трудности такого выбора демонстрирует, в частности, замечание следователя по делу Раскольникова: «Ведь если захотеть, то все это [версию события преступления. – Е. Т.]... до последней черты можно в другую сторону объяснить, даже еще натуральнее выйдет» [Достоевский 1973, 346]. В такой релятивистской системе представлений эпистемологически невозможна судебная ошибка как «решение дела в противоречии с действительностью» [Строгович 1955, 21–22], вследствие отсутствия допущения самой объективной действительности и возможности ее познания. Истина в данном случае отождествляется с тем, что судья устанавливает в качестве истины.

Концепции объективной и юридической истины предполагают разную прагматику аргументации участников процесса, обусловленную различием в эпистемологических идеалах доказывания – стремлением к достижению референциальной истины как онтологической опоры когерентной истины в первом случае и эпистемической, онтологически нейтральной, инференциальной истины – во втором. Классическим примером прагматики аргументации на основе концепции формальной истины является описанное Ф.М. Достоевским дело Дмитрия Карамазова. Успех у присяжных риторических упражнений прокурора привел в числе других причин к судебной ошибке, о которой возможно говорить, поскольку читатель романа знает из достоверного источника – от автора произведения, как было *на самом деле*.

Защитник превзошел обвинителя в красноречии, однако он совершил риторическую ошибку, – его речь не была рассчитана на аудиторию присяжных, состоявшую из «мужичков», в способности которых понять «такое тонкое, сложное и психологическое дело» сомневалась перед началом процесса местная публика [Достоевский 1976, 93]. И «мужички за себя постояли», – вынес обвинительный вердикт, несмотря на давление общественного мнения и риск нелегитимности такого решения в глазах «образованного» общества. Все аргументы защитника, убедительно указывавшие на слабые места обвинения и предубеждение прокурора против подсудимого, были дискредитированы «аудиторией» присяжных вследствие того, что ею был дискредитирован сам защитник, – в своей речи он назвал Христа не Богом, а всего лишь «распятым человеколюбом», заявил, что данное убийство может быть названо отцеубийством только вследствие предрассудка и что от русских бешеных троек «омерзительно сторонятся все народы», т. е. в восприятии данного состава присяжных посягнул на Бога, семью и отечество. Еще одна ошибка защитника заключалась в том, что его аргументация позволила аудитории прийти к выводу о ее противоречивости, на что и обратила внимание сторона обвинения: «Коль убил, так убил, а как же это, коли убил, так

не убил – кто поймет это?» [Достоевский 1976, 174]. В данном случае были нарушены правила вывода, предполагаемые когерентной концепцией истины. Вместе с тем, излишняя «ловкость» риторических приемов защитника – «прелюбодея мысли», его способность «по мере надобности» превращать «колесницу в телегу» и наоборот, стали еще одной причиной, подорвавшей доверие к его аргументации.

Безошибочно выбранные обвинителем для данного состава присяжных риторические приемы – апелляция к расшатанным нравственным и религиозным основам, «гражданскому чувству» и т. п. – расположили аудиторию и вызвали доверие как к относящейся к обстоятельствам дела аргументации прокурора, так и к этической дискредитации им показаний подсудимого. В отличие от защитника прокурор действовал в искреннем убеждении виновности подсудимого, что позволило ему быть последовательным в ошибочных, не соответствующих реальности преступления, аргументах, и индустрировало, в соединении с ошибками защиты, убеждение присяжных в виновности Карамазова.

Победа прокурора в этом судебном процессе была одержана при пассивной роли суда. Председатель суда – единственный участник процесса, не названный в романе по имени, – настолько он безличен, – «к личному... характеру дела, к трагедии его, равно как и к личностям участвующих лиц, начиная с подсудимого... относился довольно безразлично и отвлеченно, как, впрочем, может быть, и следовало» [Там же, 92]. Вопрос «а как было на самом деле?» вместо суда задает зритель судебной «драмы»: «Правда-то есть у нас на Руси, господа, али нет ее вовсе?» [Там же, 177].

Отсутствие притязания на объективную истину об объективной реальности стало одной из причин судебной ошибки. В отсутствие когнитивного идеала референции между событием преступления и знанием о нем, вступает в действие логика тотального замещения когнитивного социального [Пружинин 2011, 73]. Подобно тому как с помощью этой логики наука трансформируется в «систему intersубъективно значимых предложений» [Карнап 2010, 190], научная истина заменяется легитимностью, истина, устанавливаемая в судебном процессе, превращается в «мнение аудитории о том, что считать истиной», и отождествляется с убедительностью аргументации: «Мера лживости и истинности “правдоподобного” утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности» [Александров и др. 2016, 635, 572]. В установлении истины по делу решающим становится фактор аудитории, на которую рассчитаны аргументативные стратегии обвинения и защиты, – решающим настолько, что кто не осознает фактора аудитории в судебном доказывании, тот не понимает сущности доказывания в уголовном процессе [Александров 2009, 481]. Суд из публично-правового института, обязанного быть независимым и беспристрастным, превращается в аудиторию – объект персуазивного воздействия сторон процесса, каждая из которых действует в собственном интересе, правосудие – в «игру», маленькую «историю», «рассказ» или «разговор»: создаваемые в судебном процессе «тексты отсылают к текстам, а не [к] объективной реальности», что в принципе «отменяет необходимость работы с объективной (внетекстовой) реальностью» [Там же, 477, 480]. В конечном счете реальностью обладает не преступление, а «рассказ», «история» о нем, которая «более значима для говорящих и слушающих, чем сам объект, ставший “предметом” рассказа» [Александров и др. 2016, 632].

И здесь в качестве ответа на вопрос об основаниях выбора судом конкурирующих интерпретаций события преступления возникает – как *deus ex machina* – универсальный объяснительный принцип Фуко – власть-знание, призванный, вслед за «волей к власти» Ницше, разрушить «великий западный миф об антиномии между властью и знанием» [Фуко 2005, 77] и, добавим мы, между властью и правом, и превращающий истину, как и право, в оружие власти [Фуко 2002а, 311]. Уголовное судопроизводство – это пространство, в котором разыгрываются «стратегии силовых отношений» [Александров 2009, 481], а победа – истина, устанавливаемая судом, – присуждается сильнейшему.

Современные релятивистские практики обращения с реальностью и истиной все больше напоминают реалии оруэлловского романа «1984». Для того чтобы истина

стала тем, что легитимировано в качестве истины в научном сообществе или установлено как истина судом, необходим тот же механизм, что и для признания правдой того, «что партия считает правдой» [Оруэлл 1989, 169], – прежде всего устранение гипотезы об объективной реальности и возможности ее познания. Вслед за партийным функционером О’Брайеном, убеждавшим главного героя в том, что действительность только обманчиво «представляется чем-то объективным, внешним, существующим независимо от вас», а на самом деле «существует в человеческом сознании и больше нигде» [Там же], нас также пытаются убедить в том, что рассуждения об объективной универсальной истине и праве, свободном от политики, – это интеллектуальные «ловушки и преднамеренный обман» [Фуко 2002b, 214]. Но «если и прошлое, и внешний мир существуют только в сознании, а сознанием можно управлять – тогда что?» [Оруэлл 1989, 68], – задается вопросом главный герой. Тогда – «все, что угодно, может быть истиной», можно покоришь даже «материю, потому что мы покорили сознание» [Там же, 187, 179], – отвечает О’Брайен. Самое главное свойство реальности, заключенной исключительно «внутри черепа» [Там же, 179], – ее неререферентность, из чего следует утрата способности к сопротивляемости лжи, как и вообще способности к ее различению с истиной. Релятивистская эпистемологическая позиция в конечном счете лишает человека свободы и этики. В этих условиях вопрос об истине и допущении объективной реальности оказывается неразрывно связанным со свободой человека, когда «свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре» [Там же, 68], король – голый, а белое не есть черное, даже если «партия объявит, что дважды два – пять» [Там же], все будут восхищаться новым платьем короля, а судебное решение установит в качестве истины то, что белое – это черное. «Если дозволено это, все остальное отсюда следует» [Там же], и прежде всего это означает, что истина – это не статистическое понятие, а следовательно, легитимация не является способом ее порождения. Это также означает, что судья во всех случаях – независимо от типа уголовного процесса – обязан искать истину [Альчуррон, Булыгин 2016, 166].

Источнику – Primary Sources in Russian, English and Russian Translations

- Барт 1994 – *Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 384–391 [Barthes, Roland *La mort de l’auteur* (Russian translation)].
- Достоевский 1976 – *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976 [Dostoevsky, Fyodor M. *The Brothers Karamazov* (In Russian)].
- Достоевский 1973 – *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973 [Dostoevsky, Fyodor M. *Crime and Punishment* (In Russian)].
- Карнап 2010 – *Карнап Р.* Физикалистский язык как универсальный язык науки // *Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»): избр.* М.: Идея-Пресс, 2010. С. 170–211 [Carnap, Rudolf *Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft* (Russian translation)].
- Оруэлл 1989 – *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989 [Orwell, George, *Nineteen Eighty-Four* (Russian translation)].
- Петражицкий 1897 – *Петражицкий Л.И.* Bona fides в гражданском праве. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897 [Petrazhitzkii, Lev I. *Bona Fides in the Civil Law. The Rights of Bona Fide Owner from the Point of View of Dogma and Policy of Civil Law* (In Russian)].
- Фуко 2002^a – *Фуко М.* Власть и стратегии // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1 / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 303–318 [Foucault, Michel *Pouvoirs et stratégies* (Russian translation)].
- Фуко 2002^b – *Фуко М.* Нужно защищать общество // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1 / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 210–219 [Foucault, Michel *Il faut défendre la société* (Russian translation)].
- Фуко 2005 – *Фуко М.* Истина и правовые установления // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / Пер. с фр. И. Окуновой под общ. ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 40–177 [Foucault, Michel *La vérité et les formes juridiques* (Russian translation)].

Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / Пер. с нем., сост., коммент. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 168–217 [Heidegger, Martin *Nietzsches Wort 'Gott ist tot'* (Russian translation)].

Шлик 1993 – *Шлик М.* О фундаменте познания // Аналитическая философия: избр. тексты / сост., вступ. ст., коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993. С. 33–49 [Schlick, Moritz *Über das Fundament der Erkenntnis* (Russian translation)].

Шютц 2003 – *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003 [Schutz, Alfred *The Social World and the Theory of Social Action* (Russian translation)].

Bouvier, John (1854) *Institutes of American Law*, 1, R.E. Peterson, Philadelphia, 1854.

Ссылки – References in Russian

Альчуррон, Булыгин 2016 – *Альчуррон К., Булыгин Е.В.* Границы логики и аргументация в праве // *Булыгин Е.В.* Избранные работы по теории и философии права / Пер. с англ., нем., исп. / Под науч. ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 154–182.

Александров 2009 – *Александров А.С.* Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // *Российский ежегодник теории права.* № 1. 2008. СПб., 2009. С. 473–496.

Александров и др. 2016 – *Александров А.С., Александрова И.А., Терехин В.В.* Шесть критических эссе о праве и правосудии // *Постклассическая онтология права* / Под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 561–684.

Алекси 2011 – *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011.

Зайцев, Григорьев 2011 – *Зайцев Д.В., Григорьев О.М.* Две истины – одна логика // *Логические исследования.* 2011. № 17. С. 121–139.

Касавин и др. 2017 – *Касавин И.Т., Лекторский В.А., Никифоров А.Л. и др.* Возможна ли истина в гуманитарных науках? Материалы «круглого стола». Часть I // *Философия науки и техники.* 2017. Т. 22. № 2. С. 5–28.

Лекторский и др. 2017 – «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский и др. // *Вопросы философии.* 2017. № 1. С. 5–38.

Пружинин 2011 – *Пружинин Б.И.* «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки // *Вопросы философии.* 2011. № 6. С. 64–74.

Строгович 1955 – *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955.

Тропер 2012 – *Тропер М.* Конституционное толкование / Пер. с фр. М. В. Антонова // *Правоведение.* 2012. № 4. С. 88–103.

Честнов 2013 – *Честнов И.Л.* Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // *Правоведение.* 2013. № 2. С. 35–50.

Честнов 2015 – *Честнов И. Л.* Принципы права в постклассическом измерении // *Принципы права: сборник статей по итогам круглого стола в Московском институте государственного управления и права* / Под ред. Д.А. Пашенцева, А.Г. Чернявского. М.: Русайнс, 2015. С. 4–23.

References

Alchourron, Carlos, Bulygin, Eugenio (1992) 'Limits of Logic and Legal Reasoning', Martino A.A. (ed.) *Expert Systems in Law*, Elsevier, Amsterdam, pp. 9–27 (Russian translation).

Aleksandrov, Akeksandr S. (2009) 'The Discretionary Rule of Proof and Argumentation in Criminal Justice', *Russian Yearbook of Legal Theory*, Vol. 1, pp. 473–496 (in Russian).

Aleksandrov, Akeksandr S., Aleksandrova, Irina A., Terekhin, Vladimir V. (2016) 'Six Critical Essays on Law and Justice', Chestnov I.L. (ed.), *Post-classical Ontology of Law*, Aleteya, St. Petersburg, pp. 561–684 (in Russian).

Alexy, Robert (2005) *Begriff und Geltung des Rechts*, Verlag Karl Alber, Freiburg, München (Russian translation).

Alexy, Robert (2002) *Theory of Constitutional Rights*, Oxford University Press, Oxford.

Chestnov, Iliia L. (2013) 'Concept of Justice in the Postclassical Law Understanding', *Pravovedenie*, Vol. 2, pp. 35–50 (in Russian).

Chestnov, Iliia L. (2015) 'The Principles of Law in the Post-classical Measurement', Pashentsev D.A. & Chernyavskii A.G. (eds.) *The Principles of Law: Proceedings of the Round Table at the Moscow Institute of State Management and Law*, Rusains, Moscow, pp. 4–23 (in Russian).

Kasavin, Ilya T., Lektorsky, Vladislav A., Nikiforov, Alexandr L. et al. (2017) 'Is the truth possible in humanities? Papers of the round table. Part 1', *Philosophy of Science and Technology*, Vol. 22, No. 2, pp. 5–28 (in Russian).

Kirillova, Nataliya P., Lisanyuk, Elena N. (2019) 'Truth and Legal Argumentation in Fyodor Dostoevsky's *The Karamazov Brothers*', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, Vol. 48, pp. 193–204.

Latour, Bruno (2000) 'When Things Strike Back: A Possible Contribution of *Science Studies* to the Social Sciences', *British Journal of Sociology*, Vol. 51, No. 1, pp. 107–123.

Pruzhinin, Boris I. (2011) 'Style of Scientific Thinking in Domestic Philosophy of the Science', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2011), pp. 64–74 (in Russian).

'Realistic turn in Contemporary Epistemology, Philosophy of Mind and Philosophy of Science? Materials of *Round Table*'. Participants: V.A. Lektorsky, B.I. Pruzhinin, E.L. Chertkova et al., *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2017), pp. 5–38 (in Russian).

Strogovich, Mikhail S. (1955) '*Material Truth and Judicial Evidence in the Soviet Criminal Process*', Academy of Sciences of the USSR, Moscow (in Russian).

Troper, Michel (2005) 'L'interprétation constitutionnelle', Melin-Soucramanien F. (ed.) *L'interprétation constitutionnelle*, Dalloz, Paris, pp. 13–26 (Russian translation).

Zaitsev, Dmitry V., Grigoriev, Oleg M. (2011) 'Two Truths – One Logic', *Logicheskie issledovaniya*, Vol. 17, pp. 121–139 (in Russian).

Сведения об авторе

ТИМОШИНА Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Author's information

TIMOSHINA Elena V. – DSc in Law, Professor of the Saint Petersburg State University.